

Память 24 сентября (ст. стиль 11 сентября)

**Житие и подвиги преподобной матери нашей
Феодоры, подвизавшейся в мужском образе**

"Очи Господа в десять тысяч крат светлее солнца, и взирают на все пути человеческие, и проникают в места сокровенные. Ему известно было все прежде, нежели сотворено было" (Сирах.23:27-29).

Не знала сей истины Феодора, знатная женщина, жившая в Александрии¹. Она поверила врагу – диаволу, тайно внушавшему и убеждавшему, будто грех, сотворенный во тьме, – грех, коего не видит солнце, не будет узнан Богом. Но когда она по собственному опыту уразумела, что перед Богом ничто не может утаиться, о, сколь великое покаяние проявила тогда она!

Честно живя в супружестве с своим мужем, Феодора впала в такое искушение. Один богатый человек, молодой и легкомысленный, побуждаемый диаволом, возымел на нее вожделение и всячески старался склонить ее к прелюбодеянию: посылал ей ценные подарки, обещал еще более дорогие, прельщал и словами. Но не будучи в состоянии сам что-либо сделать, он нанял одну искусительницу – волшебницу, чтобы она прельщала целомудренную Феодору, склоняя ее к замышленному им злему делу. И вот эта искусительница, имея пособником сатану,

улучила удобное время и стала говорить Феодоре и от юноше.

Феодора же сказала:

– О, если бы мне избавиться от сего человека, который уже давно беспокоит меня! Если я послушаюсь его, то само солнце, светящее на нас, будет пред Богом свидетелем греха моего!

– В таком случае, – посоветовала соблазнительница, – когда зайдет солнце и настанет темная ночь, ты в сокровенном месте исполни желание юноши, и никто не узнает дела вашего и не будет свидетеля пред Богом, ибо ночь глубока и тьма всё покроет.

Феодора сказала:

– О, хорошо было бы, если бы Бог не узнал греха, творимого ночью!

– Так и будет, – отвечала искусительница, – ибо Бог видит только те грехи, которые освещает солнце, а то, что делается во тьме, как Он может видеть?

Феодора, как женщина молодая, простодушная и неопытная, поддавалась таким прельщениям искусительницы; много помогло и бесовское искушение, ибо сила его велика, природа же наша склонна к страстям и сила наша немощна. Итак, Феодора послушалась лукавого совета и совершила во тьме ночной беззаконие. Но с появлением утренней зари, в сердце ее немедленно воссиял свет милосердия Божия: ибо, сознавши грех свой, она стала сокрушаться, бить себя по лицу, рвать волосы, стала стыдиться самой себя, сама себе стала противна. Так милосердие Божие, не желающее смерти грешника, ради прежнего ее целомудрия, подвигло ее к скорому покаянию и исправлению; ибо Бог попускает иногда

человека на некоторое падение, дабы человек восставши проявил еще больший подвиг и исправление, и еще большее усердие к Богу, прощающему грехи.

Сожаляя и плача о содеянном грехе, Феодора старалась хоть немного успокоить себя, думая:

– Не ведает Бог греха моего; впрочем, если и не ведает, то и тогда стыд мне и горе.

Стараясь успокоить скорбь свою, Феодора пошла в один женский монастырь к игумении, с которой была знакома. Видя ее скорбное лицо, игумения спросила:

– Что за печаль у тебя, дочь моя? Не обидел ли тебя муж?

Феодора отвечала:

– Нет, госпожа; но я сама не знаю, отчего у меня скорбит сердце.

Игумения, желая ее утешить, по внушению Духа Божия начала с нею душеполезную беседу и стала читать божественные книги. Когда же она читала одно слово (поучение, то дошла до такого изречения евангельского: **"Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы. Посему, что вы сказали в темноте, то услышится во свете; и что говорили на ухо внутри дома, то будет провозглашено на кровлях"** (Лк.12:2-3; Мф.10:26).

Слыша сии евангельские слова, Феодора ударила себя в грудь, воскликнув:

– Горе мне, окаянной! Погибла я ныне, обманулась, думая, что Бог не узнает греха моего. И начала бить себя, плача и рыдая.

Тогда игумения поняла, что с Феодорой случилось грехопадение, и стала расспрашивать ее, что именно случилось с нею?

Феодора же, от слез едва говоря, рассказала игумении всё подробно, и упав к ногам ее, воскликнула:

– Помилуй, госпожа, меня погибшую и научи, что мне делать? можно ли мне спастись или я уже на веки погибла? надеяться ли мне на милосердие Божие, или же отчаяться?

Игумения начала ей говорить:

– Нехорошо сделала ты, дочь моя, послушав врага; неправильно ты мыслила, думая утаиться перед Богом, – Который испытует сердца и утробы, Который издали ведает помышления человеческие, и несовершенное видит оком Своим: ни ночь, никакое сокровенное и темное место не может укрыть грешника от Его всевидящего ока. Нехорошо сделала ты, дочь моя: и Бога прогневала, и верности мужу не сохранила, и тело свое осквернила, и душе своей повредила. Зачем ты не сказала мне об этом прежде, когда была прельщаема, дабы я помогла тебе и научила бы тебя, как остерегаться сетей вражиих? Но так как сие с тобой уже случилось, то по крайней мере теперь исправься и припади к милосердию Божию, молясь с сокрушением, да простит Он тебе грех твой. Не отчаивайся, дочь моя: хотя ты и великий грех соделала, однако милосердие Божие – еще больше, и не т греха, побеждающего человеколюбие Божие; только ты ободрись, и спасешься.

Говоря ей сии и подобные слова, игумения вразумила, научила ее и наставила на путь покаяния, вместе же и успокоила ее, поведая о милосердии Божиим и о неизреченной Его благодати, с коей готов Он принимать кающихся и прощать согрешающих. Напомнила ей и об евангельской жене грешнице, которая омыла слезами ноги Христовы и отерла их власами главы своей, и получила от Бога прощение грехов своих.

Феодора, выслушав все слова доброй наставницы и сложивши оные в сердце своем, сказала:

– Верую Богу моему, госпожа, и отселе не буду делать такого греха, да и о содеянном уже, насколько буду в состоянии, позабочусь.

Получив нескорое утешение своему сердцу, возвратилась она в дом своей. Но так как совесть обличала ее, то она стыдилась смотреть прямо в лицо мужу своему и помышляла о том, как бы ей умиловить Бога: она хотела, было, поступить в женский монастырь, но знала, что муж не позволит ей. И вот, чтобы скрыться от мужа своего и от всех знакомых, она придумала следующее.

Когда муже ее по какому-то делу отлучился из дому, она поздно вечером, остригши свои волосы, оделась в мужскую одежду и, предавши себя в волю Божию, тайно оставила дом и пошла быстро, как птица, вылетевшая из сети. Дойдя до некоторого пустынного монастыря, называемого "Октодекат"², отстоявшего от города в восемнадцати верстах, она постучала в ворота и, увидев привратника, сказала:

– Окажи любовь, отче: поди, скажи игумену, чтобы он принял в монастырь меня, грешного человека, ибо я хочу каяться в злых делах своих, и посему пришел суда, да омою ваши святые ноги и буду день и ночь служить вам во всем, что мне прикажете.

Привратник пошел и доложил игумену. Игумен же сказал:

– Испытать надо, – Бог ли наставил его придти к нам? Итак, не давай ему ответа до утра и не пускай в монастырь; если он не уйдет, но останется терпеливо при дверях монастырских, ожидая помилования, тогда мы узнаем, что истинно и с усердием пришел он служить Богу.

Привратник так и сделал, и не обращал на Феодору внимания, презирая, как раба непотребного. Она же сидела около врат и плакала. Наступила ночь, и стали ходить мимо звери (ибо пустыня та была полна зверей); но Феодора благодатью Божией осталась невредимою, вооружившись, как бы щитом, крестным знамением и молитвою.

По утру привратник, посмотрев в оконце, увидел, что Феодора сидит около врат, и сказал:

– Чего ты ждешь здесь? Не примем тебя, ибо ты нам не годишься.

Она же отвечала:

– Если бы мне пришлось умереть здесь при вратах, не уйду, доколе вы не смилуетесь надо мною и не примете меня в монастырь.

Тогда привратник, видя ее терпение и смирение, отворил врата и ввел ее к игумену. Игумен спросил ее: откуда она, как ее зовут, и зачем пришла? Она же отвечала:

– Из Александрии, отче, имя мое – Феодор, исполнен я грехов и беззакония; но, пришед в себя и познав свои прегрешения, захотел принести покаяние: и вот пришел к вашей святине, да примете меня в чин свой и спасете погибающего грешника. Итак, прими меня, отче, как Господь принял разбойника, мытаря и блудного сына.

Тогда игумен стал указывать ей на монастырские труды и подвиги и сказал:

– Не будешь ты в силах, чадо, переносить сие, ибо вижу, что ты юн и воспитан в мирских удовольствиях; монастырь же наш не имеет никакой утехи, чин наш требует трудного жития и пребывание с нами – великого воздержания и поста. Братия наши в послушании несут великие труды, не оставляя и церковного правила, как то: полуношницы и утрени, часов и вечерни и многих келейных молитв и поклонов, а также частых всенощных стояний на молитве. Ты же привык к покою плоти и нельзя тебе с нами нести тяготу иноческого подвига. Хотя и вижу я, что ты с усердием пришел, однако боюсь, чтобы ты не переменял намерения своего, ибо многие часто начинают доброе дело с усердием, но скоро, не выдержав, оставляют доброе начинание и становятся самыми ленивыми. Итак, советую тебе возвратиться в мир, и Бог да устроит спасение твое, как Ему будет угодно.

Тогда Феодора, припадши к ногам игумена, со слезами сказала:

– Не отринь меня, отче, от святой вашей обители, не лиши меня ангелоподобного сожителства с вами, не гони меня в мир, из которого я бегу, как иудеи из Египта, и никогда больше не возвращусь. Не смущайся моею юностью, ибо святыми вашими молитвами я привыкну ко всякому воздержанию и, при помощи Божией, буду нести все труды и всё, что прикажете мне, буду делать с усердием и старанием, – только примите меня, желающего каяться во грехах своих.

Уступив таким ее мольбам, игумен принял ее и повелел проходить все монастырские послушания. Итак, стала жить между мужами жена во образе и под именем мужа и никто не знал тайны сей, кроме одного Бога. И кто может поведать о многотрудном житии ее? Видели братья труд ее в послушании, терпение в воздержании, смирение в повиновении, – сокровенные же и тайные подвиги ее, всенощные молитвы ее, сердечные воздыхания,

слезы, коленопреклонения, воздеяния рук видел только Сам Бог: и днем и ночью прибегала она к милосердию Его, как некогда блудница, омывшая слезами ноги Господни. И было покаяние ее более, нежели содеянный грех: ибо она смирением умертвила все свои страсти и похоти, унижила себя пред всеми, свою волю победила самоотвержением, и стала как бы ангелом во плоти. Тело ее, некогда оскверненное, теперь же очищенное подвигами покаяния и обильными слезами, стало святым храмом Божиим, обиталищем Св. Духа.

По прошествии восьми лет, случился в монастыре недостаток в масле, и Феодора была послана с верблюдами в город Александрию купить масла. Между тем муж ее, не зная, куда удалилась жена его, и что случилось с нею, долго искал ее. Не находя ее, он день и ночь сетовал, и прилежно молился Богу, чтобы Он открыл ему, где находится его жена. И вот однажды ночью увидал он ангела, который возвестил ему:

– Не печалься о жене своей, ибо она работает Богу посреди слуг Его. Если же хочешь увидеть ее, ступай поутру и стань при церкви св. Петра, – там ты ее увидишь: ибо кто пройдет мимо церкви и будет приветствовать тебя, тот и есть твоя жена.

Обрадовался муж Феодоры такому ангельскому видению, известившему его о жене и о том, как он ее увидит. Рано утром он поспешил к церкви св. Петра и, став там, начал глядеть направо и налево, ожидая увидеть то, чего желал. В это время прошла с верблюдами блаженная Феодора, одетая в мужское монашеское одеяние; муж не узнал ее, да и нельзя было узнать ее: с одной стороны – вследствие мужской одежды, с другой – вследствие перемены в лице; некогда она была прекрасна лицом, но от поста и подвигов иноческих увяла красота ее. Феодора же, издали узнавши его, незаметно прослезилась, и сказала в себе:

– О, горе мне, грешнице! За грех против своего мужа лишилась я милости Божией!

Проходя же мимо него, она поклонилась ему и сказала:

– Добрый день, господин!

И он также поклонился ей, сказав:

– Будь здрав, отче!

И так они разошлись. Простояв едва не весь день, муж Феодоры возвратился домой, скорбя, что не получил того, чего желал, и видение ангельское считая за обман. Дома он снова стал молиться со слезами:

– Господи! Ты видишь скорбь мою, услыши молитву мою и открой мне, жива ли жена моя, или нет? На добром ли пути она находится или на злом?

И вот в другую ночь он снова видит в видении ангела говорящего:

– О чем ты плачешь? Разве не видел ты жены своей вчера, как я сказал тебе?

Он сказал:

– Не видал, господин мой.

Ангел же сказал:

– Разве я не говорил тебе, что тот, кто, проходя мимо, поклонится тебе и будет приветствовать тебя, – тот и есть жена твоя?

Тогда муж, поняв, что видел жену свою, но не узнал ее, благодарил Бога, что жена его жива и служит Богу; надеялся он и сам спастись молитвами ее. И блаженная Феодора благодарила Бога, что она видела мужа и что муж не узнал ее. Возвратившись же в монастырь, она прилежала спасению своему, постясь сначала один день, потом по два, далее – по три и по четыре дня; иногда же целую неделю пребывала она без пищи, прилежно молясь о прещении своего греха.

Близ того монастыря было озеро, где жил зверь – крокодил³, который часто выходил из озера и пожирал проходящих мимо людей и скот. Епарх⁴ Григорий, назначенный царем Зином⁵ править городом Александрией, на проходящей мимо озера дороге поставил стражу, чтобы никто не проходил тою дорогой. Желая узнать благодать Божию, обитающую в Феодоре, игумен призвал ее и сказал:

– Брат Феодор, нам нужна вода; возьми водонос, пойдешь, почерпни воды из озера и принеси мне.

Феодора, как добрый послушник, взявши водонос, пошла. Стража, встретившая ее, сказала:

– Не ходи сюда, отче, за водой, ибо тебя зверь растерзает.

Она же возразила:

– Отец мой игумен послал меня, и я должен исполнить то, что приказано.

Когда она пришла на берег озера, вышел крокодил, и понес ее на своей спине на средину озера. Когда же она почерпнула воды, зверь снова принес ее на берег. Она заклала зверя, дабы с того времени он никому не делал вреда, – и тотчас зверь оказался мертвым. Стража, увидав такое чудо, возвестила игумену и епарху, и все прославляли Бога. Братия же удивлялись, что зверь не сделал никакого вреда блаженной и похваляли силу послушания.

Но некоторые из братии, подстрекаемые диаволом (ибо никто не свободен от вражеских искушений), не поверили случившемуся и начали ненавидеть Феодору, говоря:

– Вот мы столько лет прожили в монастыре и чудес не творим, а он только вчера пришел и уже чудодействует; не хочет ли быть больше нас? Не волшебством ли каким он умертвил зверя?

В нескольких верстах от сей обители стоял, в глубокой пустыне, другой монастырь. Ненавистники, написав тайно от своего игумена на имя того монастыря грамоту и, придя поздно вечером к келлии блаженной Феодоры, сказали ей:

– Брат Феодор, игумен приказывает тебе отнести эту грамоту скорее в тот монастырь.

Феодора вставши, взяла грамоту и ночью пошла в монастырь. А ненавистники сделали это для того, чтобы она на дороге была растерзана зверями, ибо там было бесчисленное множество зверей⁶, и потому никому нельзя было ночью пройти тем путем. Ненавистники так рассуждали между собою:

– Посмотрим, возвратится ли цел сей святоша, коему повинуются звери?

Когда Феодора шла тем путем, встретился с ней громадный зверь и, поклонившись ей, повернул назад и пошел впереди нее, провожая до монастырских врат. Толкнул зверь во врата; отворил их привратник, и святая Феодора пошла с грамотою к игумену. Но так как привратник не затворил врат, то зверь вошел в монастырь и, схватив привратника, начал терзать его.

Привратник возопил:

– Горе, горе, помогите мне!

Все пробудились от того крика. Узнав о случившемся, святая воротилась из келлии игумена и подола к терзаемому зверем брату. Схватив зверя за горло, она освободила привратника и сказала зверю:

– Как ты дерзнул напасть на образ Божий и хотел умертвить его? Умри же сам.

И тотчас пал зверь к ногам Феодоры и издох. Брата же, истерзанного зверем, она помазала елеем, с призыванием имени Христова, осенила раны его крестным знамением и соделала здоровым и невредимым. Видя совершившееся чудо, все поклонились блаженной и прославляли Бога, покорившего диких зверей рабу своему Феодору. Будучи же отпущена из того монастыря, Феодора очень рано возвратилась в свой монастырь и, пришедши, никому не поведала, где она была и что сделала.

На другой день пришли иноки в тот монастырь с каким-то приношением и рассказав случившееся игумену и всей братии, кланялись игумену, благодаря, что ученик его Феодор избавил привратника от зубов зверя и исцелил его от ран, и самого зверя умертвил. Слыша это, игумен и все иноки очень удивлялись. Отпустив пришедшую братию, игумен собрал всех иноков и спрашивал их:

– Кто посылал брата Феодора в тот монастырь?

Все отказались, говоря:

– Не знаем.

Спросил игумен и Феодору, говоря:

– Кто тебя, брат, посылал ночью в монастырь тот?

Не желая открыть своих ненавистников, посылавших ее, Феодора сказала игумену:

– Прости меня, отче! вздремнул я в келлии и не помню, кто подошел, приказывая мне твоим именем поскорее нести грамоту к тому игумену, и я пошел, исполняя послушание.

Тогда ненавистники, познав благодать Божию в блаженной Феодоре, стали раскаиваться в злобе своей и, припав к ней, просили прощения. Она же, будучи незлобива, нисколько за то на них не гневалась, даже никому не рассказала про них, а напротив – себя уничижала, как грешную и недостойную любви братии.

Однажды, когда Феодора исполняла свое послушание, явился ей бес, говоря с гневом:

– Ты, скверная прелюбодейка, бросившая своего мужа, на меня ли вооружаться пришла сюда? Всю свою силу употреблю я, чтобы заставить тебя отречься не только от иночества, но и от веры в Распятого, и бежать от места сего! И не думай, что меня нет здесь, ибо я не оставлю тебя в покое, пока не запутаю в сети ноги твои и не ввергну тебя в яму, коей ты не ожидаешь.

Феодора же, осенив себя крестным знамением, сказала:

– Бог да сокрушит силу твою, диавол!

И бес стал невидим.

Спустя некоторое время, блаженная Феодора снова была послана с верблюдами в город Александрию купить для нужд монастыря пшеницы.

Отпуская ее в путь, игумен сказал:

– Если, чадо, ты запоздаешь в дороге, то сверни к монастырю Енатскому, и там переночуй с верблюдами (ибо был на пути там близ города монастырь, называемый "Енат"⁷).

Отправившись, Феодора действительно запоздала в дороге и, согласно повелению игумена, зашла в Енатский монастырь и, поклонившись игумену сей обители, просила благословения дать отдохнуть верблюдам, пока не наступит день. Игумен дал ей место в гостинице, где был загон для верблюдов. В это время находилась в гостинице немолодых уже лет девица, дочь того игумена, пришедшая поклониться отцу своему и навестить его. Видя молодого инока (т.е. блаженную Феодору), девица, по наущению диавольскому, почувствовала к нему вожделение, пришла ночью к Феодоре, спавшей около верблюдов, и не зная, что это женщина, начала с бесстыдством к ней приставать и склонять ко греху. Но Феодора сказала:

– Отойди от меня, сестра, ибо я не привык к такому делу; к тому же, я имею в себе злого духа и боюсь, как бы он не убил тебя.

Удалившись со стыдом, девица нашла другого гостя, с коим сотворила беззаконие и зачала во чреве. Между тем Феодора, когда наступил день, отправилась в город и, исполнив послушание, возвратилась в свой монастырь и продолжала подвиги для своего спасения. Через шесть месяцев открылось, что девица беременна и домашние стали бить ее и допрашивать: кто ее сделал такую? Она же, по наущению диавола, обвинила блаженную Феодору, говоря:

– Октодекатский монах Феодор, идя в город с верблюдами, ночевал в гостинице, ночью пришел ко мне, и я зачала от него.

Услышав это, отец ее, игумен Енатский, послал своих иноков в монастырь Октодекат с жалобой игумену, что его иннок обесчестил девицу.

Игумен, призвав Феодору, спросил ее:

– Слышишь, что говорят люди эти про тебя, рассказывая, будто ты обесчестил девицу и она теперь беременна?

Феодора отвечала:

– Прости меня, отче, но Бог свидетель, что я в сем неповинен.

Игумен, зная чистую, ангелоподобную жизнь брата Феодора, не поверил тому, что рассказывали о нем иноки. Когда же та девица родила сына, енатские иноки пришли в монастырь Октодекатский и бросили дитя среди монастыря, укоряя живущих там братий и говоря:

– Воспитывайте вашего младенца!

Тогда игумен, увидав младенца, поверил, что действительно было так, как рассказывали и очень разгневался на неповинную и чистую душою и телом Феодору. Собрав братию и призвав Феодору, он спросил ее:

– Скажи нам, окаянный, что это сделал ты? Навел ты бесчести на монастырь наш и поругание на наш иноческий чин! Не убоялся ты Бога. Мы считали тебя как бы ангелом, а ты оказался сообщником бесов. Итак, сознайся в своем беззаконии.

Блаженная же Феодора, дивясь случившейся напасти, со смирением сказала:

– Простите меня, отцы святые, грешен я!

Посоветовавшись между собою, иноки изгнали ее из монастыря с бесчестием и побоями, отдав ей младенца. так велико было дивное терпение блаженной! Одним своим словом она могла бы доказать свою невинность, но не желая открыть тайны, что она – женщина, приняла она на себя чужой грех, как возмездие за свое прежнее преступление. Взявши младенца, она села у монастырский врат, рыдая, как Адам, изгнанный из рая. Против монастыря устроила она для младенца маленькую хижинку и, выпрашивая у пастухов молока, в продолжение целых семи лет питала им младенца; сама же она терпела и голод, и жажду, и наготу, и холод, и зной, употребляя для питья морскую воду и питаясь дикими травами.

Не перенося такого терпения, диавол задумал прельстить Феодору иным образом: он принял вид ее мужа и войдя в хижину, где она сидела с младенцем, сказал:

– Здесь ли ты, госпожа моя? Столько лет я тужусь, со слезами отыскивая тебя, а ты и не думаешь о мне, госпожа моя? Не знаешь ли, что ради тебя я оставил отца и мать, а ты бросила меня? Кто склонил тебя придти на место сие? Где цвет лица твоего? Зачем ты так изнурила себя? Итак, приди, возлюбленная моя, пойдем в дом наш. Ибо если ты хочешь, то можешь соблюдать целомудрие и дома: я не буду препятствовать тебе. Вспомни любовь мою, госпожа, и иди со мною в дом наш.

Блаженная не узнала, что это бес, но подумала, что это действительно ее муж, и сказала ему:

– Нельзя мне возвратиться к тебе в мир, из которого я бежала греха моего ради; боюсь, да не впаду в большие грехи.

Когда же она подняла руку свою с крестным знамением на молитву, тотчас бес стал невидим. Тогда блаженная познала, что это был диавол и сказала:

– Едва не прельстил ты меня, диавол.

Она раскаивалась, что вступила в беседу с диаволом, и с того времени стала тщательнее беречь себя от бесовских козней. Но диавол не переставал вооружаться против Феодоры. Вот собрал он множество бесов, кои, приняв вид разных зверей, напали на нее, крича человеческим голосом:

– Растерзаем прелюбодейку сию!

Феодора же, перекрестившись, сказала: **"Обступили меня, окружили меня, но именем Господним я низложил их"** (Пс.117:11), и бесы тотчас исчезли. Потом диавол, желая прельстить ее сребролюбием, показал ей множество золота и людей, собирающих его, – но и это всё от крестного знамения исчезло.

Затем диавол принял вид князя; и множество всадников, впереди его, прошли мимо хижины Феодоры и кричали:

– Князь едет, князь едет!

Потом они сказали Феодоре:

– Поклонись князю.

Она же ответила:

– Я кланяюсь Единому Богу.

Тогда они, вытащив ее из хижины, насильно повели к начальнику тьмы (Бог попустил им прикоснуться к святой, дабы она была искушена, **"как золото в горниле"** (Пс.3:6) и принуждали поклониться ему. Но она не восхотела, говоря:

– Я Господу Богу моему покланяюсь и Ему Единому служу.

Тогда бесы стали бить ее без пощады и, оставив едва живую, ушли. Пастухи же, придя к Феодоре, нашли ее лежащею как мертвую и, думая, что она умерла, принесли ее в хижину и там положили. Возвестили о том и в монастыре, говоря:

– Инок ваш Феодор умер; возьмите тело его и похороните.

Игумен с братией пришел в хижину Феодоры и, заметив, что душа ее еще в ней, сказал:

– Оставьте его, ибо он будет жив.

И возвратились они в монастырь. Феодора же, придя в полночь в себя, стала плакать и бить себя в грудь, восклицая:

– Горе мне грешной, горе мне беспомощной! О, как казнит меня Бог за грехи мои.

И, подняв руки к небу, гласом великим возопила:

– Боже милосердый, избавь меня от руки диавола и прости мне прегрешения мои!

Ночевавшие близ того места пастухи, услышав, что блаженная Феодора, которую они считали мертвою, молится, удивились тому, что она еще жива, и прославили Бога.

После сего игумен приказал взять от нее младенца в монастырь, чему Феодора очень обрадовалась, ибо освободилась от труда и заботы о воспитании младенца. Сама же она продолжала скитаться по пустыне. Тело ее почернело от холода и зноя, очи ее потускнели от горьких слез, и жила она со зверями, которые, как овцы, повиновались ей и были кротки.

Еще раз покусился на нее диавол. Увидав ее сильно алчущею, он явился ей во образе воина, принесшего хорошую пищу, и сказал:

– Князь, который тебя бил, теперь раскаивается в этом и прислал тебе сию пищу, прося простить его и принять ее от него.

Феодора же, познав прелесть бесовскую, осенила себя крестным знамением и сказала:

– Бог да уничтожит и разрушит коварство твое, враг! Бог – мой помощник, и не прельстишь ты меня.

С того времени перестал диавол искушать ее.

По прошествии семи лет такого многотрудного жития Феодоры, сжалились иноки и пришли к игумену, говоря:

– Помилуй, отче, брата Феодора, ибо он уже совершил покаяние за грех свой; прости его и прими в монастырь.

Игумен же отвечал:

– Брат Феодор, Бог простил тебе грех, который ты сотворил. Живи с нами в монастыре и подвижайся; никуда не выходи больше из монастыря, чтобы опять диавол не ввергнул тебя в искушение; воспитывай и сына твоего, дабы он был ревнителем твоих подвигов.

И дал ей игумен келлию, освободив от всяких монастырских трудов, чтобы она спокойно молилась Богу и отдохнула бы после столь великих трудов. И ожила Феодора в той келлии два года с мнимым сыном своим Феодором, уча его грамоте и страху Божию, а также – смирению, послушанию и другим иноческим добродетелям.

В одно лето была большая засуха, так что высохли в монастыре колодцы, иссякли и озера. Тогда сказал игумен некоторым братьям:

– Никто другой не умолит Бога, чтобы Он дал нам воды, как только отец Феодор, ибо великой благодати Божией исполнен он.

Призвав к себе блаженную, игумен сказал:

– Отец Феодор, возьми сосуд и почерпни нам воды из колодца.

Колодезь же был сух и не имел ни одной капли воды.

– Благослови, отче! – сказала Феодора, и пошла к колодцу.

Опустив в колодезь сосуд, она наполнила его чистой водой и принесла игумену с братией: видя сие, все дивились. Тотчас пошли они к колодцу, в коем давно уже высохла вода и, заглянув, увидели, что он полон воды, и прославили Бога. Было же воды той довольно для всякой монастырской нужды, до тех пор пока не пошел дождь и не наполнил водою все высохшие водоемы.

Блаженная Феодора, будучи смиренна духом, говорила братии:

– Не ради меня совершилось сие, но ради пославшего меня отца нашего игумена, который имеет твердую, непоколебимую веру в Бога, – а я лишь исполнил то, что приказано мне, надеясь на молитвы отца нашего.

И продолжала жить Феодора в келлии своей, молясь Богу и воспитывая мнимого своего сына.

В один вечер, взяв с собою на виду у всех отрока, Феодора заперлась с ним в келлии и начала поучать его. Игумен же, по внушению Божию, послал некоторых из братий незаметно послушать у келлии, о чем беседует она с отроком своим. Феодора, прижав отрока к груди своей и обнявши, целовала его, говоря:

– Сын мой возлюбленный! Время мое настало, конец мой пришел и я отхожу от тебя; ты же не плачь о мне и не говори себе: "Я – сирота", – ибо имеешь ты отцом Бога, покрывающего тебя благодатью Своею, Коему и я (если обрящу дерзновение пред Ним) буду молиться о тебе. Выслушай последние слова мои и запечатай их в сердце своем: возлюби Бога больше всякой твари и больше самого себя, прилепись к Нему всем сердцем, не переставай славословить Его и молиться Ему устами и сердцем, языком и умом. Правила общего никогда не оставляй, но с прочею братией ходи в церковь: к часам – первому, третьему, шестому и девятому, к вечерне, полунощнице и утрени. Все молитвы твои да будут соединены с сокрушением сердечным, со слезами и воздыханием. Плачь пред Богом каждый день, да сподобишься вечного утешения. Слушайся игумена и братию, откажись от воли своей, храни незлобие отныне и до конца жизни своей; загради молчанием уста свои; старайся, чтобы не осудить кого-нибудь и не посмеяться чужому греху видя же согрешающего, помолись о нем Единому безгрешному Богу, да справит его, а тебя да избавит от грехопадений и искушений вражиих. Ничего не говори ни праздного, ни скверного, ни хульного: да не изыдет из уст твоих такое слово, за которое пришлось бы тебе дать ответ в день суда; будь кроток и смирен сердцем, всех почитай за отцов и благодетелей своих, а себя считай ниже всех. Если услышишь, что кто-нибудь из братии болен, не поленись посетить его и с усердием послужи ему, и всякое возложенное на тебя послушание исполняй без ропота. Нищету и нестяжание люби так, как бы драгоценное сокровище. Вспоминай жизнь мою, как я с тобою скиталась: что приобрела я в хижине моей пред оградой монастырскою? яства ли или одежды? утварь ли или какое сокровище? Ничего иного, как только Бога. Ибо что для человека важнее Бога и Божественной любви Его? Он есть сокровище наше, Он – богатство, Он – пища и питье, Он – одежда и покров, Он – здоровье наше и крепость, Он – веселие и радость, Он – надежда и упование наше; Его потщись стяжать, сын мой. Если ты стяжешь Его, – довольно с тебя, и возвеселишься о Нем более, нежели в том случае, когда бы приобрел весь мир. Старайся сохранить чистоту свою: как ныне ты чист телом и душою, так пребывай и до конца жизни своей. Блуди себя, чадо мое, чтобы не оскорбить Духа Божия и не удалить его от себя сластолюбием и плотоугодием. Умертви уды свои, не давай покоя и послабления телу своему: как осла непокорного, смирай его голодом, жаждою, работою и ранами, пока не представишь Христу душу свою, как чистую невесту. Соблюдай себя тщательно от бесовских козней, трезвись и бодрствуй: ибо диавол не дремлет, ища поглотить всякого, служащего Богу. От сего-то врага да защитит тебя помощь Божия! Также, чадо мое, твори и обо мне поминовение, да обрящу милость у праведного Судии, который будет судить не только явные грехи, но и тайные, и к Которому я ныне отхожу.

Отрок же, будучи разумным, сказал:

– Неужели, отче мой, ты уходишь от меня, оставляя меня сиротою? Что я буду делать без тебя? Увы мне, бедному! Горе мне, сироте, что лишаюсь я тебя, добрый отец мой!

Феодора же, утешая его, сказала:

– Ведь, я говорил тебе, чтобы ты не называл себя сиротою, потому что ты имеешь Бога хранителем твоим, пекущимся о тебе: Он будет для тебя отцом и матерью, учителем и наставником, покровителем и руководителем ко спасению.

После сего Феодора встала и со слезами начала молиться, говоря:

– Боже, ведый грехи мои и покаяние! Ты знаешь печаль сердца моего, – знаешь, как я непрестанно сокрушалась о том, что прогневала Тебя, Господи! Ты знаешь труды мои, коими я смиряла грешное тело мое, – за то, что дерзнула сделать беззаконие и огорчить благодать Твою, Ты знаешь печаль души моей, знаешь, что душа моя, с того времени, как я сознала грех свой, во всё время не переставала сетовать и горько скорбеть о том, что прогневала Тебя. Итак, услыши ныне стенание мое, вонми молитве моей, виждь, как воск, тающее сердце мое, испытай его, воззри на слезы мои и помилуй окаянную душу мою! Остави беззакония мои, прости грехи мои, не помяни злых дел моих: **"По милости Твоей вспомни меня Ты, ради благодати Твоей, Господи!"** (Пс.24:7). Приими покаяние мое. приими молитву и рыдание мое, приими же и душу мою!

Так она долго молилась, и не всё можно было расслышать из того, что она говорила, – слышны были только плач ее и биение в перси. Плакал вместе с нею и отрок, рыдая о сиротстве своем. Она снова утешала его и опять молилась. Наконец, она с радостью сказала:

– Благодарю Тебя, премилосердного Творца моего, что Ты услышал и помиловал меня и избавил душу мою от смерти и очи мои от слез.

Произнеся и другие благодарственные слова и возвеселившись духом, Феодора умолкла. Можно было подумать, что она предала душу свою святую в руки Господа своего, ибо уже более не слышно было ее слов, только слышно было, как плакал отрок. В тот час стали благовестить к утрени. Иноки слышавшие всё, что говорила Феодора, пошли к игумену и всё рассказали ему. Игумен же, выслушав рассказ их, начал со слезами говорить:

– Я, чада мои, в ночь сию видел видение, будто два светоносных мужа, явившись, повели меня на высоту небесную, откуда дошел до меня голос, говорящий: "Прииди и посмотри, какие блага уготовал Я невесте моей Феодоре". И увидел я светоносный рай, красоту и великолепие коего нельзя описать. Явившиеся мужи, введя меня внутрь рая, показали мне чертоги и в нем приготовленный золотой одр, и ангел, стоя при нем, охранял его. Спросил я ведущих меня: "Для кого приготовлены чертог сей и одр?" И они сказали мне: "Погоди немного, и узришь славу Божию". Вскоре я увидел чины ангельские, мучеников и преподобных, идущих с приятным пением, сладости коего нельзя и поведать; посреди их я увидел прекрасную жену, в великой славе; приведя в чертог, ее посадили на одре, воспевая пресладкие песни; я же с благоговением поклонился честной жене той. И сказал мне ангел: "Знаешь ли, кто это?" Я отвечал: "Не знаю, господин мой". Он же сказал мне: "Это инок твой, Феодор; по природе своей он был женщиной, мужем же он был только по виду. Пожив немного в супружестве, Феодора ради Бога оставила мир и трудилась в вашем монастыре и, будучи оклеветана за родившую младенца девицу, не открыла, что она – женщина; как будто бы настоящий отец она приняла младенца и вырастила его. Будучи же изгнана из вашего монастыря, она много пострадала, питаясь травой и водой морскою, терпя холод, зной и нищету и перенося многие напасти от бесов. За всё сие так возвеличил ее милосердый Бог: ибо Он возлюбил ее, как невесту Свою и сделал ее наследницею Царствия Своего со всеми святыми". Услышав сие, я начал плакать, что не знал тайны сей и, поверив лжи, оскорбил святую, изгнав ее с бесчестьем из монастыря; во время плача я проснулся. Итак, чада мои, в настоящее время сердце мое исполнено радости и печали. Радуюсь, что сподобился видеть преславное видение, коего око человеческое не видело, и слышать пресладкие звуки святых песней, коих ухо не слышало; скорблю же и плачу, что не знали мы рабы Божией и возлюбленной невесты Его, живущей между нами, и, не ведая, долгое время оскорбляли ее.

После сего игумен, собрав братию, пошел к келлии блаженной Феодоры и, толкнув в дверь, сказал:

– Отче Феодор, благослови!

Но ответа не было, ибо Феодора преставилась уже ко Господу. Отрок же, плача над нею, уснул, и едва могли разбудить его. Войдя в келлию, братия увидели блаженную Феодору, лежащую на земле; руки ее были сложены на груди и очи закрыты, лицо же ее сияло красотою, как лицо ангельское. Когда стали готовить к погребению честное ее тело, открыл

игумен перси ее, иссохшие от продолжительного поста; и все узнали, что то была женщина. Игумен повелел братии, чтобы они никому не открывали тайны сей, пока не будут приглашены те, кои оклеветали преподобную в бесчестии девицы, и послал братию к Енатскому игумену, говоря:

– Молим любовь твою, отче: приди к нам с своею братиею, ибо сегодня у нас великий праздник и мы хотим, чтобы и ты праздновал с нами.

И пришел игумен енатский, вместе со своими иноками; и привели его к святому телу блаженной Феодоры, говоря:

– Отче, муж дочери твоей умер.

Показав ему тело преподобной, спросили:

– Не это ли Феодор?

И сказал енатский игумен:

– Действительно, это он.

Спросили и пришедших с ним монахов, говоря:

– Знаете ли вы его?

Те сказали:

– И хорошо знаем: это лживый брат Феодор, осквернивший девицу; да воздаст ему Бог по делам его!

Тогда Октодекатский игумен открыл перси ее и, показав женские сосцы ее, сказал:

– Мужское ли сие тело? Да, отцы ошиблись мы: мы думали, что это мужчина, а на самом деле то была женщина; изменивши внешний вид и приняв мужское имя, она как ангел жила среди нас грешников, не знавших тайны сей, и многие напасти претерпела от нас. Ныне же кончина ее показала, чем она была и что есть, ибо она праведна и преподобна и Христу Богу нашему угодна, так как я видел ее веселящуюся в небесном чертоге во славе и свете великом с ликами ангельскими и со всеми святыми.

Тогда все предстоявшие ужаснулись и удивились сей великой тайне; оклеветавшие же ее в грехе, в коем она была неповинна, весьма устыдились, и все много плакали, восклицая:

– Горе нам, что мы столь долго оскорбляли рабу Божию!

И, припадая к святым мощам ее, со слезами говорили:

– Прости нам, раба Божия, что мы в неведении согрешили против тебя!

После сего явился ангел Божий Октодекатскому игумену, говоря:

– Возьми коня и отправляйся к городу и, кого встретишь первого, того возьми и приведи сюда.

Игумен тотчас отправился, и, увидав на дороге идущего навстречу ему человека, спросил его:

– Куда ты идешь?

Тот отвечал:

– Я слышал, что в каком-то монастыре умерла жена моя, и иду, чтобы увидеть ее.

Игумен, взяв с собою человека сего и посадив его на коня, возвратился в монастырь и привел его к святому телу преподобной. Увидав Феодору, муж ее начал горько и безутешно рыдать пред мощами ее. – Бесчисленный сонм иноков, живущих окрест Октодекатского монастыря, услышав о всем случившемся, собрался со свечами и кадилами и обрядивши святое тело преподобной Феодоры, с честью похоронили его в монастыре, в коем она добре подвизалась. И светло праздновали в течение многих дней, прославляя Христа Бога и величая возлюбленную невесту Его – преподобную Феодору. Муж же ее, после ее погребения, испросил себе келлию, в коей жила жена его, или, лучше сказать, невеста Христова, и, постригшись в иноки, подвизался в ней в посте, молитве и слезах, поминая подвиги преподобной Феодоры, и, спустя немного времени, отошел ко Господу. А отрок Феодор, коего преподобная имела вместо сына, унаследовал нрав, подвиги, и всё добродетельное житие мнимого отца своего, или – лучше сказать – матери своей, преподобной Феодоры. Он достиг такого совершенства, что по смерти игумена всеми иноками был избран на его место, был добрым отцом, наставляющим чад своих на путь

спасения, и сам тем же путем пошел в след преподобной Феодоры и водворился с нею в обителях небесных.

Молитвами святых Твоих, Господи, не лиши и нас небесного Царствия Твоего. Аминь.

Кондак, глас 2:

Тело твое постами изнуливши, бденными молитвами Творца умолила еси о гресе твоём, яко да приимеши совершенное прощение: и прияла еси оставление, путь покаяния показавши.

¹ Александрия – знаменитый город, основанный Александром Великим около 333 года до Р. Х. на мысе, выдающемся в южный берег Средиземного моря (несколько южнее нынешнего города того же наименования); был некогда центром науки и первым торговым городом на земле; в начале IV века стал центром христианства и резиденцией патриарха.

² Октодека – с греч. значит восемнадцать. Отсюда монастырь и получил свое наименование. Нужно заметить, что в первые века Египет славился подвижничеством иноческим, которое там первоначально и возникло, и изобиловал иноческими обителями, как то явствует и из дальнейшего повествования настоящего жития, почему некоторые монастыри и получали наименование по расстоянию своему от ближайшего более или менее крупного центра.

³ Громадное ящерицеобразное пресмыкающееся с окостенелыми кожаными щитами на спине, громадную пастью и острыми громадными зубами. Крокодилы пожирают не только крупных рыб, падаль, но даже животных и людей. Величайшая река в мире – Нил, орошающая весь Египет, изобилвала ими и они приносили весьма значительный вред. Несмотря на это, древние египтяне обоготворяли их и часто содержали в прудах, где их кормили мясом животных и людей. Поэтому появление этого речного гада в озере неудивительно, равно как и то, что власти, быть может, из боязни язычников, которых было еще много в Александрии, не решались изловить и уничтожить это опасное животное. Под озером можно предполагать озеро Мореотис, или Мариут, отстоявшее недалеко и от Александрии и от Нила, куда крокодил мог отсюда и сам довольно легко переползти.

⁴ Правитель области в греко-римской империи.

⁵ Византийский император, царствовал с 474 по 491 год.

⁶ Пустыни египетские, как и вообще африканские, особенно изобилуют множеством свирепых львов. Под именем зверя, о котором повествуется далее, следует разуметь льва.

⁷ Вероятно около самого города, – даже, как показывает греческое наименование монастыря, в расстоянии одной версты.

Мученики Дмитрий Скепсийский (Геллеспонтийский), князь, Еванфия, жена его, и Димитриан, сын их

Святой мученик Дмитрий был князем и правителем города Скепсии в Геллеспонте. В его город пришел с проповедью Евангелия святой Корнилий Сотник (память 13 сентября), первый язычник, обращенный ко Христу апостолом Петром. Святой Корнилий посеял христианство среди многих жителей Скепсии, и за это язычники, схватив его, привели на суд к правителю Димитрию, который безуспешно принуждал святого отречься от Христа и, наконец, подверг его истязаниям. Святой Корнилий мужественно терпел мучения, убеждая правителя оставить языческие заблуждения и обратиться к истинной вере во Христа. Приведенный в идольский храм, святой Корнилий молитвой сокрушил капище и стоявших в нем идолов. Убеденный в истинности христианства проповедью святого и его чудесами, правитель Димитрий сам уверовал во Христа и принял

Святое Крещение со всей семьей. За исповедание Христа язычники бросили всю новообращенную семью в темницу и уморили голодом.

Память святых мучеников Диодора и Дидима

Сии святые мученики были из Лаодикии Сирской. Исповедуя Христову веру, они учили о Христе язычников и многих из них обращали и крестили. За это привели их к правителю Лаодикийскому на суд, и здесь они смело исповедовали Христа. Их предали страшным мучениям, но они не отреклись от Христа, бесстрашно обличали идольскую лесь и укоряли правителя за то, что он, оставив истинного Бога, поклоняется ложным богам. С молитвой на устах предали они среди мучений души свои Господу.

Память святой мученицы Ии

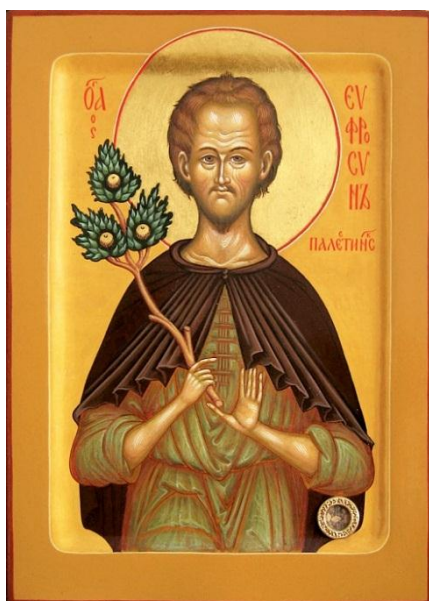
Святая мученица Ия была родом из города Визада¹; вместе с 9000 христиан взята была она в плен персидским царем Сапором². За исповедание Христа она представлена была на суд к начальнику волхвов, который стал принуждать ее отречься от Христа. Но она не склонилась на его увещания и пребыла твердою в истинной вере. За сие заключили ее в темницу и целый год морили голодом. Затем ее вывели из заключения и сильно начали бить суковатыми палками, после чего опять отвели в темницу, где она пробыла пятнадцать лет. По прошествии сего времени, ее опять вывели и так крепко связали веревками ее колена, бедра и руки, что кости ее надломились. Потом начали бить ее ремнями из суровой кожи по чреслам и по чреву и, наконец, отсекли ей голову³.

¹ Визад – город в главной области персидского царства.

² Сапор II, известный под именем Великого, – персидский царь, царствовал с 310 по 381 г. по Р. Хр.; известен счастливыми войнами с римлянами; был жестоким гонителем христианства.

³ Мученическая кончина св. Ии относится к 362-384 г.

Память преподобного Евфросина

Преподобный Евфросин¹ происходил от незнатных родителей, но своими добродетелями превзошел и всех благородных по происхождению. Многие при знатности своего рода не имеют никаких добродетелей, и посему впадают в глубину ада. Напротив нередко люди простого происхождения, при своем благодетельном смирении, возносятся в рай Божий. Так и сей преподобный Евфросин был узрен в видении находящимся в раю, который он и наследовал своим святым житием.

В монастыре Евфросин служил братии в поварне, и служил не как людям, но как бы Богу, – в великом смирении и повиновении. Трудясь день и ночь на послушании, он никогда не оставлял молитвы и поста. Терпение его было изумительно: ибо он претерпевал большие неприятности, поношения, поругания и частые досаждения. Возжигая в поварне огонь вещественный, он

распалялся духовным огнем любви к Богу, и к Нему пламенело сердце его. Приготовляя пищу братии, он своим добродетельным житием уготовлял себе трапезу в Царствии Божием, дабы насытиться там небесным блаженством с теми, о которых сказано: **"блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием"** (Лк.14:15). Он служил Господу втайне, дабы воздано ему было явно, как это действительно и исполнилось.

Вот каким образом показал Господь то, чего заслужил раб Его Евфросин.

Некий иерей, живший в одном монастыре с Евфросином, всегда молил Бога показать ему в чувственном виде те будущие блага, которые уготованы любящим его. И вот в одну ночь он имел такое видение: ему представилось, что он стоит в раю, со страхом и радостью созерцая его неизреченную красоту; там он увидел повара своего монастыря Евфросина.

Приблизившись к нему, иерей спросил:

– Брат Евфросин, – что это? Неужели это рай?

Евфросин отвечал:

– Да, отче, это рай.

Иерей опять спросил его:

– А ты как здесь?

Евфросин отвечал:

– По великой милости Божией я поселился здесь жить, ибо сия есть обитель избранных Божиих.

Иерей спросил:

– Имеешь ли ты какую-нибудь власть над этими красотами?

Евфросин отвечал:

– Сколько могу, столько и даю из того, что видишь.

Иерей сказал:

– Не можешь ли и мне дать что-нибудь из сих благ?

Евфросин отвечал:

– По благодати Бога моего, возьми, что хочешь.

Тогда иерей, указав рукою на яблоки, попросил их. Евфросин, сорвав три яблока, положил их иерею в платок, говоря:

– Возьми то, чего просил, и насладись.

В это время начали ударять в церковное било к утрени. Иерей, проснувшись и придя в себя, счел виденное за сон, но, протянув руку к платку, нашел в нем те яблоки, которые получил в видении от Евфросина, и ощутил неизреченное благоухание от них и посему находился в изумлении. Встав с постели и положив на нее яблоки, он пошел в церковь и увидел там Евфросина стоящим на утренней службе. Подойдя к нему, иерей клятвенно упрашивал его открыть ему, где он был в нынешнюю ночь.

Евфросин отвечал:

– Прости меня, отче, в нынешнюю ночь я был там, где ты меня видел.

Иерей сказал:

– Потому-то я и заклил тебя объявить дела Божии, чтобы ты не утаил правды.

Тогда смиренномудрый Евфросин сказал:

– Ты, отче, просил у Господа показать тебе в чувственном виде воздаяния избранникам Его, и Господь благоизволил твоему преподобию показать сие чрез меня, худого и недостойного, и вот ты увидел меня в раю Бога моего.

Иерей спросил:

– А что ты дал мне, отче, в раю, когда я просил у тебя?

Евфросин отвечал:

– Я дал тебе три яблока – те самые, которые ты положил в келлии своей на одре, но прости меня, отче, ибо я червь есмь, а не человек.

По окончании утрени, иерей собрал братию и, показав ей три райских яблока, подробно рассказал то, что видел. Тогда все ощутили от тех яблок неизреченное благоухание и радость духовную и в умилении дивились тому, о чем поведал иерей. Они пошли в поварню

к Евфросину, дабы поклониться рабу Божию, но уже не нашли его, ибо он вышел из церкви и скрылся, избегая славы человеческой, и никак не могли его найти. А куда именно он скрылся, – об этом нет нужды много допытываться: ибо если для него был открыт рай, то куда же он мог скрыться? Яблоки те братья разделили между собою и раздавали многим на благословение, в особенности же – для исцеления: ибо больные, вкушавшие от них, исцелялись от своих болезней. И много пользы все получили от такого дара святого Евфросина и, сохраняя описанное дивное видение не только на хартиях, но и в сердцах своих, стремились к великим подвигам и благоугождали Богу.

Молитвами преподобного Евфросина да сподобит Господь и нас райских обителей! Аминь.

¹ Жил и подвизался в IX веке в странах Амморейских, в Палестине, близ Иордана.

Преподобные Сергей и Герман, Валаамские чудотворцы

День памяти

*3 июня - Собор Карельских святых
(переходящая) - Соборы Новгородских и Санкт-Петербургских святых*

11 июля

24 сентября

Основатели Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, преподобные Сергей и Герман, согласно церковному преданию, были греческими священноиноками, пришедшими в X веке¹ во владения Великого Новгорода вместе с первыми православными миссионерами. Исторические сведения об основателях Валаамского монастыря скудны. Часто во времена вражеских нашествий (XII, XVII века) монастырь переживал опустошение, на долгие десятилетия прерывалось здесь иноческое служение. Во времена нашествий уничтожались церковные памятники, монастырские святыни, не раз были сожжены и разграблены богатейшие

монастырские библиотека и хранилище рукописей.

Не дошло до нас и житие преподобных Сергея и Германа Валаамских. В XVI веке уже были утрачены многие исторические документы, об этом свидетельствует древний синодик Валаамского монастыря, после разорения обители в 1611 году хранившийся в Староладожском Васильевском монастыре. Этот синодик является единственным историческим документом, написанным на Валааме, в котором отражено подлинное знание о первоначальниках обители. В синодике в списке игуменов упоминаются преподобные Сергей и Герман.

Свидетельством иноческого подвига преподобных стали церковное предание и древние летописные памятники. Смысл иноческого жития преподобных Сергея и Германа состоял в просвещении светом Христовой веры языческих карельских племен, в утверждении православия на Севере Руси, в основании монашеской обители, которая стала оплотом

православия в ранние века христианского просвещения. Древние новгородские летописи сообщают об обретении мощей преподобных Сергия и Германа и перенесении их в Новгород во время нашествия шведов в 1163–64 гг.

Именно тогда состоялось местное прославление основателей Валаамского монастыря и было положено начало церковному почитанию преподобных Сергия и Германа в пределах Новгородской епархии. Свидетельством их церковного почитания является наличие их в соборе Новгородских святых, упоминания в службе «Всем русским святым», составленной в XVIII веке, а также прориси и иконописный подлинник XVIII века.

В начале XVIII века были известны иконы преподобных Сергия и Германа. Напоминание об утраченном житии преподобных встречается в многочисленных списках «Валаамской беседы», памятника церковной публицистики XVI–XVII веков. Зачало «Беседы», несомненно, является отрывком из сентябрьских Миней, где повествуется о перенесении мощей преподобных Сергия и Германа (Карельских чудотворцев) из Новгорода в монастырь Всемилоственного Спаса по утишении военной опасности, по-видимому, в 1182 г., что подтверждается новгородскими летописными источниками. Первоначальное место подвигов преподобных Сергия и Германа указывается на Святом острове. Так говорит предание, известное при игумене Ефреме во второй половине XVIII века. Также данный факт подтверждает и шведский атлас, в котором на карте острова Валаама Святой остров именуется как Vanho Valamo – Старый Валаам, и на этом острове указан крест.

Чрезвычайно широкое распространение «Валаамской беседы», известной во множестве списков XVI, XVII, XVIII веков, свидетельствует о высоком духовном авторитете основателей Валаамского монастыря, так как именно их духовными устами изложена позиция нестяжателей в известной церковной полемике XVI века.

В 1611 году монастырь был разорен шведами, и на острове жили шведские колонисты. В 1685 году, в царствование великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, шведы захотели откопать мощи преподобных и надругаться над ними, но Господь молитвами преподобных вскоре послал на них великий недуг и расслабление членов, поэтому они устремились и над мощами их устроили часовню.

11 июля – память преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. В 1755 году игуменом Ефремом был выстроен новый деревянный соборный храм, в котором имелся придел преподобных Сергия и Германа. Путешественник, капитан Яков Яковлевич Мордвинов так описывает саму обитель: «Монастырь построен на горе каменной, церкви, колокольня и ограда деревянные. И всему оному монастырю взят план, и на плане означено: Соборная церковь Преображения Господня, в ней приделы: с южной стороны – святых апостолов Петра и Павла, с северной — святого апостола Иоанна Богослова, вверху с юга святого апостола Андрея Первозванного, с севера – святых праведных Захарии и Елисаветы, внизу с южной стороны — преподобных отец Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, где и мощи преп. под спудом, а сверху сделаны раки, и на раки их положены живописные их образы».

К 28 июня 1789 года был освящен новый соборный храм преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, казначеем Иннокентием с братией, где мощи их почивают под спудом. В 1817 году архимандритом Коневского монастыря Иларионом была составлена служба преподобным Сергию и Герману, Валаамским чудотворцам, и напечатана в Синодальной типографии с приложением поучительного слова на память их.

В 1819 году, 20 октября, Святейшим Синодом было предписано общероссийское почитание Валаамских угодников и определены дни церковного празднования их памяти – 28 июня/11 июля и 11/24 сентября.

Мощи преподобных Сергия и Германа и ныне почивают под спудом в Спасо-Преображенском Соборе Валаамского монастыря. Свидетельством благодатной молитвенной помощи преподобных являются многочисленные чудеса, явленные по вере просящих и молящихся.

Основатели монастыря, преподобные Сергей и Герман, Валаамские чудотворцы, не оставили нам своего жития, которое, несомненно существовало, сохранились лишь краткие упоминания в летописях и древних рукописях. Но преподобные Сергей и Герман никогда не оставляли своего братства. Они продолжают свидетельствовать на протяжении тысячи лет свое незримое присутствие, охраняя своим молитвенным предстательством Валаамскую обитель.

Примечание

1 Данные с сайта Валаамского монастыря. Ранее считалось, что преподобные Сергей и Герман поселились на Валааме между 973–980 годами, но позднейшая критика отодвинула время их жизни к XII и даже к XIV веку. Официальное синодальное издание «Минеи Четы на русском языке» говорит о преподобных Сергии и Германе как о «скончавшихся около 1353 г.».

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/svv-sergij-valaamskij-german-valaamskij>

Тропарь преподобных, глас 4

Евангелия Христова истиннии послушницы/ явистесь, преподобнии,/ мир и вся, яже в нем, яко не сущая,/ преобидевше любви ради Христовы,/ и в морской остров вселистесь,/ и трудолюбно в нем противу козней невидимых врагов подвизаетесь,/ постом, бдением же и всенощным стоянием/ плоти своя духу мудре повинули есте./ Сего ради от Вседержительных десниц достойныя венцы прияли есте,/ и ныне Пресвятей Троице предстояще, молитесь,/ всеблаженнии отцы Сергие и Германе,/ сохранитися в мире отечеству нашему// и спастися душам нашим.

Тропарь преподобных Сергия и Германа Валаамских, глас 1

От мирския молвы бегаяще, безмолвия и благочестия рачители,/ в тихое пристанище Валаама от востока приидосте,/ и в нем Евангельски Христу добродетельми последовавше, на верх совершенства востекли есте:/ и ныне в торжестве премирном Богозрением наслаждающиеся,/ всеблаженнии отцы Сергие и Германе, Человеколюбца Бога молитесь,/ еже спасти всех нас, благочестно вас почитающих.

Кондак преподобных, глас 4

От мирскаго жития изшедше,/ отвержением мира Христу последовасте,/ и достигосте великаго Нева езера,/ и, в нем на острове Валааме всельшесь,/ равноангельное житие пожили есте,/ отонудуже веселящесь прешли есте к Небесным чертогом./ И ныне со Ангелы Владычню Престолу предстояще,/ поминайте нас, чад своих,/ яже собрали есте, богомудрии,/ да радостно от души вопием:// радуйтесь, Сергие и Германе, отцы преблаженнии.

Преподобный Силуан Афонский

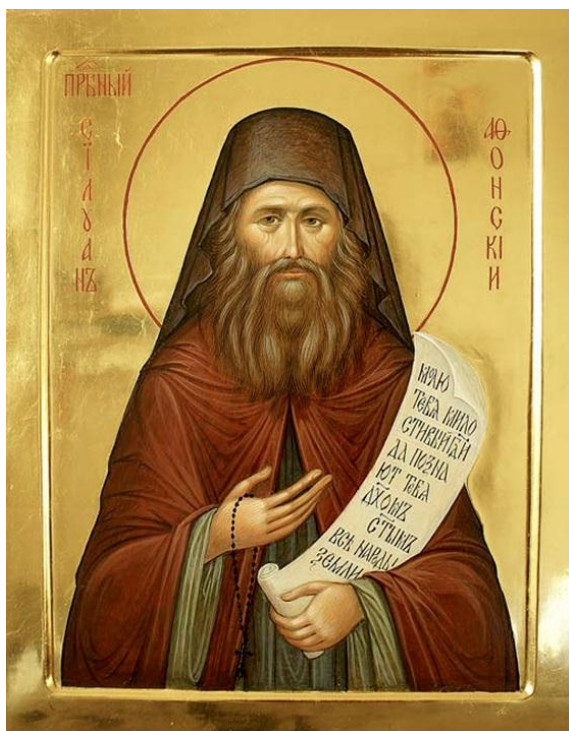
Дни памяти

20 мая - Собор преподобных отец Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря

14 июня (переходящая) - Собор Афонских преподобных

10 августа - Собор Тамбовских святых

23 сентября - Собор Липецких святых
24 сентября

Жил на земле человек, муж гигантской силы духа, имя его Силуан. Он долго молился с неудержимым плачем: "Помилуй меня", но не слушал его Бог. Прошло много месяцев такой молитвы, и силы души его истощились; он дошел до отчаяния и воскликнул: "Ты неумолим!" И когда с этими словами в его изнемогшей от отчаяния душе что-то надорвалось, он вдруг на мгновение увидел живого Христа; огонь исполнил сердце его и все тело с такой силой, что, если бы видение продлилось еще мгновение, он умер бы. После он уже никогда не мог забыть невыразимо кроткий, беспредельно любящий, радостный, непостижимого мира исполненный взгляд Христа и последующие долгие годы своей жизни неустанно свидетельствовал, что Бог есть любовь, любовь безмерная, непостижимая.

О нем, этом свидетеле Божественной любви, предстоит нам слово.

Афонский схимонах отец Силуан (мирское имя – Семен Иванович Антонов) родился в 1866 г. в Тамбовской губернии, Лебединского уезда, Шовской волости и села. На Афон приехал в 1892 г., в мантию пострижен в 1896 г.; в схиму – в 1911 г. Послушание проходил: на мельнице, на Каламарейском метохе (владение монастыря вне Афона), в Старом Нагорном Русике, в Экономии. Скончался 24 сентября 1938 года. Эти немногочисленные факты почерпнуты из формуляра Афонского монастыря.

От "родился" до "скончался" – все бедно, не о чем рассказать; касаться же внутренней жизни человека пред Богом – дело нескромное, дерзновенное. Среди площади мира открывать "глубокое сердце" христианина – почти святотатство; но уверенные в том, что ныне старцу, ушедшему из мира победителем мира, уже ничто не страшно, уже ничто не нарушит его вечного покоя в Боге, позволим себе попытку рассказать о его чрезвычайно богатом, царственно богатом житии, имея в виду тех немногих, которые и сами влекутся к той же божественной жизни.

Многие, соприкасаясь с монахами вообще и со старцем Силуаном в частности, не видят в них ничего особенного и потому остаются неудовлетворенными и даже разочарованными. Происходит это потому, что подходят они к монаху с неверною меркою, с неправильными требованиями и исканиями.

Монах пребывает в непрестанном подвиге, и нередко чрезвычайно напряженном, но православный монах – не факир. Его совершенно не увлекает достижение посредством специальных упражнений своеобразного развития психических сил, что так импонирует многим невежественным искателям мистической жизни. Монах ведет сильную, крепкую, упорную брань, некоторые из них, как отец Силуан, ведут титаническую борьбу, неведомую миру, за то, чтобы убить в себе гордого зверя, за то, чтобы стать человеком, подлинным человеком, по образу совершенного Человека Христа, т.е. кротким и смиренным.

Странная, непонятная миру христианская жизнь; все в ней парадоксально, все в порядке как бы обратном порядку мира, и нет возможности объяснить ее словом. Единственный путь к уразумению – это творить волю Божию, т.е. блюсти заповеди Христа; путь, указанный Им Самим.

Детство и молодые годы

Из долгой жизни старца хочется привести несколько фактов, являющихся показательными для его внутренней жизни и в то же время его "историей." Первый из них относится к его раннему детству, когда ему было не более 4-х лет. Отец его, подобно многим русским крестьянам, любил оказывать гостеприимство странникам. Однажды в праздничный день с особенным удовольствием он пригласил к себе некоего книгоношу, надеясь от него, как человека "книжного," узнать что-либо новое и интересное, ибо томился он своей "темнотой" и жадно тянулся к знанию и просвещению. В доме гостю были предложены чай и еда. Маленький Семен (мирское имя) с любопытством ребенка смотрел на него и внимательно прислушивался к беседе. Книгоноша доказывал отцу, что Христос не Бог и что вообще Бога нет. Мальчика Семена особенно поразили слова: "Где Он, Бог-то?", и он подумал: "Когда вырасту большой, то по всей земле пойду искать Бога". Когда гость ушел, то Семен сказал отцу: "Ты меня учишь молиться, а он говорит, что Бога нет". На это отец сказал: "Я думал, что он умный человек, а он оказался дурак. Не слушай его". Но ответ отца не изгладил из души мальчика сомнения.

Много лет прошло с тех пор. Семен вырос, стал большим здоровым парнем и работал неподалеку от их села, в имении князя Трубецкого. Работали они артелью, Семен в качестве столяра. У артельщиков была кухарка, деревенская баба. Однажды она ходила на богомолье и посетила могилу замечательного подвижника – затворника Иоанна Сезеновского (1791–1839). По возвращении она рассказала о святой жизни затворника и о том, что на его могиле бывают чудеса. Некоторые из присутствующих подтвердили рассказы о чудесах, и все говорили, что Иоанн был святой человек.

Слыша эту беседу, Семен подумал: "Если он святой, то, значит, Бог с нами, и незачем мне ходить по всей земле – искать Его," и при этой мысли юное сердце загорелось любовью к Богу.

Удивительное явление, с четырехлетнего до девятнадцатилетнего возраста продержалась мысль, запавшая в душу ребенка при слышании книгоноши; мысль, которая, видимо, тяготила его, оставаясь где-то в глубине неразрешенной, и которая разрешилась таким странным и, казалось бы, наивным образом.

После того, как Семен почувствовал себя обретшим веру, ум его прилепился к памяти Божией, и он много молился с плачем. Тогда же он ощутил в себе внутреннее изменение и влечение к монашеству, и, как говорил сам старец, на молодых красивых дочерей князя стал он смотреть с любовью, но без пожелания, как на сестер, тогда как раньше вид их беспокоил его. В то время он даже просил отца отпустить его в Киево-Печерскую Лавру, но отец категорически ответил: "Сначала кончи военную службу, а потом будешь свободен пойти."

В таком необычном состоянии Семен пробыл три месяца; затем оно отступило от него, и он снова стал водить дружбу со своими сверстниками, гулять с девками за селом, пить водку, играть на гармонике и вообще жить подобно прочим деревенским парням.

Молодой, красивый, сильный, а к тому времени уже и зажиточный, Семен наслаждался жизнью. В селе его любили за хороший миролюбивый и веселый характер, а девки смотрели на него как на завидного жениха. Сам он увлекся одною из них и, прежде чем был поставлен вопрос о свадьбе, в поздний вечерний час с ними произошло "обычное."

Замечательно при этом, что на следующий день утром, когда он работал с отцом, тот тихо сказал ему: "Сынок, где ты был вчера, болело сердце моё." Эти кроткие слова отца запали в душу Семена, и позднее, вспоминая его, старец говорил: "Я в меру отца моего не пришел. Он был совсем неграмотный, и даже "Отче наш" читал с ошибкой, говорил "днесть" вместо "днесь," заучил в церкви по слуху, но был кроткий и мудрый человек."

У них была большая семья: отец, мать, пять братьев-сыновей и две дочери. Жили они вместе и дружно. Взрослые братья работали с отцом. Однажды во время жатвы, Семену пришлось готовить в поле обед; была пятница; забыв об этом, он наварил свинины, и все

ели. Прошло полгода с того дня, уже зимою, в какой-то праздник, отец говорит Семену с мягкой улыбкой:

– Сынок, помнишь, как ты в поле накормил меня свининой? А ведь была пятница; ты знаешь, я ел ее тогда как стерву.

– Что же ты мне не сказал тогда?

– Я, сынок, не хотел тебя смутить.

Рассказывая подобные случаи из своей жизни в доме отца, старец добавил: "Вот такого старца я хотел бы иметь: он никогда не раздражался, всегда был ровный и кроткий. Подумайте, полгода терпел, ждал удобной минуты, чтобы и поправить меня, и не смутить."

Старец Силуан был весьма большой физической силы. Он был еще совсем молодой, до военной службы, однажды на Пасху, после обильного мясного обеда, когда братья его разошлись по гостям, а он остался дома, мать предложила ему "яичницу"; он не отказался; мать сварила ему целый чугун, до полусотни яиц, и он всё съел.

В те годы он работал со своими братьями в имении князя Трубецкого и в праздники иногда ходил в трактир; были случаи, что он выпивал за один вечер "четверть" (2,5 литра) водки, но пьяным не бывал.

Однажды в сильный мороз, ударивший после оттепели, сидел он на постоялом дворе. Один из постояльцев, переночевавший там, хотел возвращаться домой; пошел он запрячь свою лошадь, однако скоро вернулся, говоря:

– Беда! Нужно ехать, и не могу: лед обложил лошади копыта толстым слоем, и она от боли не дается отбить его.

Семен говорит:

– Пойдем, я тебе помогу.

На конюшне он взял шею лошади около головы под мышку и говорит мужику: "Обивай." Лошадь все время стояла не шелохнувшись; мужик отбил лед с копыт, запряг и уехал.

Голыми руками Семен мог брать горячий чугун со щами и перенести его с плиты на стол, за которым работала их артель. Ударом кулака он мог перебить довольно толстую доску. Он поднимал большие тяжести и обладал большой выносливостью и в жару и в холод, он мог есть очень помногу и много работать.

Но эта сила, которая позднее послужила ему для совершения многих исключительных подвигов, в то время была причиной его самого большого греха, за который он принес чрезвычайное покаяние.

Однажды в престольный праздник села, днем, когда все жители весело беседовали возле своих изб, Семен с товарищами гулял по улице, играя на гармонике. Навстречу им шли два брата – сапожники села. Старший – человек огромного роста и силы, большой скандалист, был навеселе. Когда они поравнялись, сапожник насмешливо стал отнимать гармошку у Семена; но он успел передать её своему товарищу. Стоя против сапожника, Семен уговаривал его "проходить своей дорогой", но тот, намереваясь, по-видимому, показать своё превосходство над всеми парнями села в такой день, когда все девки были на улице и со смехом наблюдали сцену, набросился на Семена. И вот как рассказывал об этом сам старец:

– Сначала я подумал уступить, но вдруг стало мне стыдно, что девки будут смеяться, и я сильно ударил его в грудь; он далеко отлетел от меня и грузно повалился навзничь посреди дороги; изо рта его потекла пена и кровь. Все испугались, и я; думаю: убил. И так стою. В это время младший брат сапожника взял с земли большой булыжник и бросил в меня, я успел увернуться; камень попал мне в спину, тогда я сказал ему: "Что ж, ты хочешь, чтоб и тебе то же было?" – и двинулся на него, но он убежал. Долго пролежал сапожник на дороге; люди сбегались и помогали ему, омывали холодной водой. Прошло не менее получаса прежде, чем он смог подняться, и его с трудом отвели домой. Месяца два он проболел, но, к счастью, остался жив, мне же потом долго пришлось быть осторожным:

братья сапожника со своими товарищами по вечерам с дубинками и ножами подстерегали меня в закоулках, но Бог сохранил меня.

Так в шуме молодой жизни начал уже заглушаться в душе Семена первый зов Божий к монашескому подвигу, но избравший его Бог снова воззвал его уже некоторым видением.

Однажды, после нецеломудренно проведенного времени, он задремал и в состоянии легкого сна увидел, что змея через рот проникла внутрь его. Он ощутил сильнейшее омерзение и проснулся. В это время он слышит слова: "Ты проглотил змею во сне, и тебе противно; так Мне нехорошо смотреть, что ты делаешь."

Семен никого не видел. Он слышал лишь произнесший эти слова голос, который по своей сладости и красоте был совершенно необычный. Действие, им произведенное, при всей своей тихости и сладости было потрясающим. По глубокому и несомненному убеждению старца – то был голос Самой Богородицы. До конца своих дней он благодарил Божию Матерь, что Она не возгнушалась им, но Сама благоволила посетить его и восстановить от падения. Он говорил: "Теперь я вижу, как Господу и Божией Матери жалко народ. Подумайте, Божия Матерь пришла с небес вразумить меня, юношу, во грехах".

То, что он не удостоился видеть Владычицу, он приписывал нечистоте, в которой пребывал в тот момент.

Этот вторичный зов, совершившийся незадолго до военной службы, имел уже решающее значение на выбор дальнейшего пути. Его первым следствием было коренное изменение жизни, принявшей недобрый уклон. Семен ощутил глубокий стыд за свое прошлое и начал горячо каяться перед Богом. Решение по окончании военной службы уйти в монастырь вернулось с умноженной силой. В нем проснулось острое чувство греха и в силу этого изменилось отношение ко всему, что он видел в жизни. Это изменение сказалось не только в его личных действиях и поведении, но и в его чрезвычайно интересных беседах с людьми.

Время военной службы

Военную службу Семен отбывал в Петербурге, в лейб-гвардии, в саперном батальоне. Уйдя на службу с живой верой и глубоким покаянным чувством, он не переставал помнить о Боге.

В армии его очень любили как солдата всегда исполнительного, спокойного, хорошего поведения, а товарищи как верного и приятного друга; впрочем, это было нередким явлением в России, где солдаты жили очень по-братски.

Однажды под праздник с тремя гвардейцами того же батальона он отправился в город. Зашли они в большой столичный трактир, где было много света и громко играла музыка; заказали ужин с водкой и громко беседовали. Семен больше молчал. Один из них спросил его:

– Семен, ты все молчишь, о чем ты думаешь?

– Я думаю: сидим мы сейчас в трактире, едим, пьем водку, слушаем музыку и веселимся, а на Афоне теперь творят бдение и всю ночь будут молиться; так вот – кто же из нас на Страшном Суде даст лучший ответ, они или мы?

Тогда другой сказал:

– Какой человек Семен! Мы слушаем музыку и веселимся, а он умом на Афоне и на Страшном Суде.

Слова гвардейца о Семене: "а он умом на Афоне и на Страшном Суде" могут быть отнесены не только к тому моменту, когда они сидели в трактире, но и ко всему времени пребывания его на военной службе. Мысль его об Афоне, между прочим, выражалась и в том, что он несколько раз посылал туда деньги. Однажды ходил он из Усть-Ижорского лагеря, где летом стоял их батальон, на почту в село Колпино, чтобы сделать перевод денег на Афон. На обратном пути, еще недалеко от Колпина, по дороге прямо навстречу ему бежала бешеная собака; когда она совсем уже приблизилась и готова была броситься на

него, он со страхом проговорил: "Господи, помилуй!" Лишь только произнес он эту короткую молитву, как какая-то сила отбросила собаку в сторону, словно наткнулась она на что-то; обогнув Семена, она побежала в село, где причинила много вреда и людям, и скоту.

Этот случай произвел на Семена глубокое впечатление. Он живо почувствовал близость хранящего нас Бога и еще сильнее прилепился к памяти Божией.

Окончив свою службу в гвардии, Семен незадолго до разъезда солдат его возраста по домам вместе с ротным писарем поехал к отцу Иоанну Кронштадтскому просить его молитв и благословения. Отца Иоанна они в Кронштадте не застали и решили оставить письма. Писарь стал выводить красивым почерком какое-то мудреное письмо, а Семен написал лишь несколько слов: "Батюшка, хочу пойти в монахи; помолитесь, чтобы мир меня не задержал".

Возвратились они в Петербург в казармы, и, по словам Старца, уже на следующий день он почувствовал, что кругом него "гудит адское пламя".

Покинув Петербург, Семен приехал домой и пробыл там всего одну неделю. Быстро собрали ему холсты и другие подарки для монастыря. Он попрощался со всеми и уехал на Афон. Но с того дня, как помолился о нем отец Иоанн Кронштадский, "адское пламя гудело" вокруг него не переставая, где бы он ни был: в поезде, в Одессе, на пароходе, и даже на Афоне в монастыре, в храме, повсюду.

Приезд на Святую Гору

Монашеские подвиги

Приехал Семен на Святую Гору осенью 1892 г. и поступил в Русский монастырь святого великомученика Пантелеимона. Началась новая, подвижническая жизнь.

По Афонским обычаям, новоначальный послушник "брат Симеон" должен был провести несколько дней в полном покое, чтобы вспомнить свои грехи за всю жизнь и, изложив их письменно, исповедать духовнику. Испытываемое адское мучение породило в нем неудержимое горячее раскаяние. В Таинстве Покаяния он хотел освободить свою душу от всего, что тяготило ее, и потому с готовностью и великим страхом, ни в чем себя не оправдывая, исповедал все деяния своей жизни.

Духовник сказал брату Симеону: "Ты исповедал грехи свои перед Богом и знай, что они тебе прощены... Отныне положим начало новой жизни... Иди с миром и радуйся, что Господь привел тебя в эту пристань спасения".

Вводился брат Симеон в духовный подвиг вековым укладом афонской монастырской жизни, насыщенной непрестанной памятью о Боге: молитва в келлии наедине, длительное богослужение в храме, посты и бдения, частая исповедь и причащение, чтение, труд, послушание. Вскоре он освоил Иисусову молитву по четкам. Прошло немного времени, всего около трех недель, и однажды вечером при молении пред образом Богородицы молитва вошла в сердце его и стала совершаться там день и ночь, но тогда он еще не разумел величия и редкости дара, полученного им от Божией Матери.

Брат Симеон был терпеливый, незлобивый, послушливый; в монастыре его любили и хвалили за исправную работу и хороший характер, и ему это было приятно. Стали тогда приходить к нему помыслы: "Ты живешь свято: покался, грехи тебе прощены, молишься непрестанно, послушание исполняешь хорошо".

Ум послушника колебался при этих помыслах, и тревога проникала в сердце, но по неопытности своей он не понимал, что же, собственно, с ним происходит.

Однажды ночью келлия его наполнилась странным светом, который пронизал даже и тело его так, что он увидел и внутренности свои. Помысел говорил ему: "Прими, – это благодать", однако душа послушника смутилась при этом, и он остался в большом недоумении.

После видения странного света, стали ему являться бесы, а он, наивный, с ними разговаривал "как с людьми". Постепенно нападения усиливались, иногда они говорили ему: "Ты теперь святой", а иногда: – "Ты не спасешься". Брат Симеон спросил однажды беса: "Почему вы мне говорите по-разному: то говорите, что я свят, то – что я не спасусь?". Бес насмешливо ответил: "Мы никогда правды не говорим".

Смена демонических внушений, то возносящих на "небо" в гордости, то низвергающих в вечную гибель, угнетала душу молодого послушника, доводя его до отчаяния, и он молился с чрезвычайным напряжением. Спал он мало и урывками. Крепкий физически, подлинный богатырь, он в постель не ложился, но все ночи проводил в молитве или стоя, или сидя на табуретке. Изнемогая, он сидя засыпал на 15-20 минут и затем снова вставал на молитву.

Проходили месяц за месяцем, а мучительность демонических нападений все возрастала. Душевные силы молодого послушника стали падать и мужество его изнемогало, страх гибели и отчаяния – росли, ужас безнадежности все чаще и чаще овладевал всем его существом. Он дошел до последнего отчаяния и, сидя у себя в келлии в предвечернее время, подумал: "Бога умолить невозможно". С этой мыслью он почувствовал полную оставленность, и душа его погрузилась во мрак адского томления и тоски.

В тот же день во время вечерни, в церкви святого пророка Илии, что на мельнице, направо от царских врат, где находится местная икона Спасителя, он увидел живого Христа.

"Господь непостижимо явился молодому послушнику" – и все существо, и самое тело его исполнилось огнем благодати Святого Духа, тем огнем, который Господь низвел на землю Своим пришествием (Лк.12:49). От видения Симеон пришел в изнеможение, и Господь скрылся.

Невозможно описать то состояние, в котором находился он в тот час. Его осиял великий Божественный свет, он был изъят как бы из мира и духом возведен на небо, где слышал неизреченные глаголы, в тот момент он получил как бы новое рождение свыше (Ин.1:13,3:3). Кроткий взор всепрощающего, безмерно любящего, радостного Христа привлек к себе всего человека и затем, скрывшись, сладостью любви Божией восхитил дух его в созерцание Божества уже вне образов мира. Впоследствии в своих писаниях он без конца повторяет, что Господа познал он Духом Святым, что Бога узрел он в Духе Святом. Он утверждал также, что когда Сам Господь является душе, то она не может не узнать в Нем своего Творца и Бога.

Познавшая свое воскресение и увидевшая свет подлинного и вечного бытия, душа Симеона первое время после явления переживала пасхальное торжество. Все было хорошо: и мир великолепен, и люди приятны, и природа невыразимо прекрасна, и тело стало иным, легким, и сил как бы прибавилось. Но постепенно ощутимое действие благодати стало слабеть. Почему? Что же делать, чтобы не допустить этой потери?

Началось внимательное искание ответа на растущее недоумение в советах духовника и в творениях святых отцов-аскетов. "Во время молитвы ум храни чистым от всякого воображения и помысла и заключай его в слова молитвы", - сказал ему старец отец Анатолий из Святого Русика. У старца Анатолия Симеон провел достаточно времени. Свою поучительную и полезную беседу отец Анатолий закончил словами: "Если ты теперь такой, то что же ты будешь под старость?" Так уж получилось, но своим удивлением он дал молодому подвижнику сильный повод к тщеславию, с которым тот не умел еще бороться.

У молодого и еще неопытного монаха Симеона началась самая трудная, самая сложная, самая тонкая брань с тщеславием. Гордость и тщеславие влекут за собой все беды и падения: благодать оставляет, сердце остывает, ослабевает молитва, ум рассеивается и начинаются приращения страстных помыслов.

Молодой монах Силуан постепенно научается более совершенным аскетическим подвигам, которые большинству вообще покажутся невозможными. Сон его по-прежнему прерывчатый – несколько раз в сутки по 15-20 минут. В постель по-прежнему он не ложится, спит сидя на табуретке; пребывает в трудах днем, как рабочий; несет подвиг

внутреннего послушания – отсечение своей воли; учиться возможно более полному преданию себя на волю Божию; воздерживается в пище, в беседах, в движениях; подолгу молится умною Иисусовою молитвою. И несмотря на весь его подвиг свет благодати часто оставляет его, а бесы толпою окружают по ночам.

Смена состояний, то некоторой благодати, то оставленности и демонических нападений, не проходит бесплодно. Благодаря этой смене душа Силуана пребывает в постоянной внутренней борьбе, бодрствовании и усердном искании исхода.

Прошло пятнадцать лет со дня явления ему Господа. И вот однажды в одно из таких мучительных борений с бесами, когда, несмотря на все старания, чисто молиться не удавалось, Силуан встает с табурета, чтобы сделать поклоны, но видит перед собой огромную фигуру беса, стоящего впереди икон и ожидающего поклона себе; келлия полна бесов. Отец Силуан снова садится на табурет и, наклонив голову, с болезнью сердца говорит молитву: "Господи, ты видишь, что я хочу молиться тебе чистым умом, но бесы не дают мне. Научи меня, что должен делать я, чтобы они не мешали мне?" И был ответ ему в душе: "Гордые всегда так страдают от бесов". "Господи, – говорит Силуан, – научи меня, что должен я делать, чтобы смирилась моя душа". И снова в сердце ответ от Бога: "Держи ум твой во аде и не отчаивайся."

Отныне душе его открылось не отвлеченно-интеллектуально, а бытийно, что корень всех грехов, семя смерти есть гордость; что Бог – есть Смирение, и потому желающий стяжать Бога должен стяжать смирение. Он познал, что то несказанно сладкое великое смирение Христово, которое ему было дано пережить во время Явления, есть неотъемлемое свойство Божественной любви, Божественного бытия. Отныне он воистину познал, что весь подвиг должен быть направлен на стяжание смирения. Ему дано было познать великую тайну Бытия, бытийно познать.

Он духом проник в тайну борьбы преподобного Серафима Саровского, который после явления ему Господа в храме во время литургии, переживая потерю благодати и богооставленность, тысячу дней и тысячу ночей стоял в пустыне на камне, взывая: "Боже, милостив буди мне, грешному."

Ему открылся подлинный смысл и сила ответа преподобного Пимена Великого своим ученикам: "Поверьте, чада! Где сатана, там и я буду". Он понял, что преподобный Антоний Великий был послан Богом к александрийскому сапожнику учиться тому же деланию: от сапожника он научился помышлять: "Все спасутся, один я погибну".

Он познал в опыте жизни своей, что полем духовной битвы со злом, космическим злом, является собственное сердце человека. Он духом узрел, что самым глубоким корнем греха является гордость, – этот бич человечества, оторвавший людей от Бога и погрузивший мир в неисчислимые беды и страдания; это подлинное семя смерти, окутавшее человечество мраком отчаяния. Отныне Силуан, выдающийся гигант духа, все силы свои сосредоточит на подвиге за смирение Христово, которое ему было дано познать в первом явлении, но которое он не сохранил.

Монах Силуан после данного ему Господом откровения твердо стал на духовном пути. С того дня его "любимой песнью," как сам он выражался, становится: "Скоро я умру, и окаянная душа моя снидет в тесный черный ад, и там один я буду томиться в мрачном пламени и плакать по Господе: "Где Ты, свет души моей? Зачем Ты оставил меня? Я не могу жить без Тебя".

Это делание привело скоро к миру души и чистой молитве. Но даже и этот огненный путь оказался не кратким.

Благодать уже не оставляет его, как прежде: он осязательно носит ее в сердце, он чувствует живое присутствие Бога; он полон удивления перед милосердием Божиим, глубокий мир Христов посещает его; Дух Святой снова дает ему силу любви. И хотя теперь он уже не тот неразумный, что был прежде; хотя из долгой и тяжелой борьбы он вышел умудренным; хотя из него выработался великий духовный борец, – однако и теперь страдал он от колебаний и изменчивости человеческой натуры и продолжал плакать невыразимым

плачем сердца, когда умалялась в нем благодать. И так еще целых пятнадцать лет, доколе не получил он силу одним мановением ума, никак не выражаемым внешне, отражать то, что раньше тяжело поражало его.

Через чистую умную молитву подвижник научается великим тайнам духа. Сходя умом в сердце свое, сначала вот это – плотяное сердце, он начинает проникать в те глубины его, которые не суть уже плоть. Он находит свое глубокое сердце, духовное, метафизическое, и в нем видит, что бытие всего человечества не есть для него нечто чуждое, постороннее, но неотделимо связано и с его личным бытием.

"Брат наш есть наша жизнь", – говорил старец. Через любовь Христову все люди воспринимаются как неотъемлемая часть нашего личного вечного бытия. Заповедь – любить ближнего как самого себя – он начинает понимать не как этическую норму; в слове "как" он видит указание не на меру любви, а на онтологическую общность бытия.

"Отец не судит никого, но весь суд дал Сыну... потому что Он Сын человеческий" (Ин.5:22-27). Сей Сын человеческий, Великий Судья мира, – на Страшном Суде скажет, что "единый от меньших сих" есть Он Сам; иными словами, бытие каждого человека Он обобщает со Своим, включает в Свое личное бытие. Все человечество, "всего Адама," воспринял в Себя и страдал за всего Адама.

После опыта адских страданий, после указания Божия: "Держи ум твой во аде" для старца Силуана было особенно характерным молиться за умерших, томящихся во аде, но он молился также и за живых, и за грядущих. В его молитве, выходявшей за пределы времени, исчезала мысль о преходящих явлениях человеческой жизни, о врагах. Ему было дано в скорби о мире разделять людей на познавших Бога и не познавших Его. Для него было несносным сознавать, что люди будут томиться "во тьме кромешной".

В беседе с одним монахом-пустынником, который говорил: "Бог накажет всех безбожников. Будут они гореть в вечном огне" – очевидно, ему доставляло удовлетворение, что они будут наказаны вечным огнем – на это старец Силуан с видимым душевным волнением сказал: "Ну, скажи мне, пожалуйста, если посадят тебя в рай, и ты будешь оттуда видеть, как кто-то горит в адском огне, будешь ли ты покоен?" – "А что поделаешь, сами виноваты" – ответил монах. Тогда старец со скорбным лицом ответил: "Любовь не может этого понести... Нужно молиться за всех".

И он действительно молился за всех; молиться только за себя стало ему несвойственным. Все люди подвержены греху, все лишены славы Божией (Рим.3:22). Для него, видевшего уже в данной ему мере славу Божию и пережившего лишение ее, одна мысль о таковом лишении была тяжка. Душа его томилась сознанием, что люди живут, не ведая Бога и Его любви, и он молился великою молитвою, чтобы Господь по неисповедимой любви Своей дал им Себя познать.

До конца своей жизни, несмотря на падающие силы, и на болезни, он сохранил привычку спать урывками. У него оставалось много времени для уединенной молитвы, он постоянно молился, меняя в зависимости от обстановки образ молитвы, но особенно усиливалась его молитва ночью, до утрени. Тогда молился он за живых и усопших, за друзей и врагов, за весь мир.

Составили Наталия Буфиус и епископ Александр (Милеант)

По материалам сайта: azbyka.ru/days/sv-siluan-afonskij

Тропарь преподобного Силуана Афонского, глас 2

Серафимския любве ко Господу пламенный ревнителью/ и Иеремии, о народе плачущему,/ усердный подражателю,/ всеблаженне отче Силуане,/ ты бо, зову Матере Господа Сил, внемляй,/ змия греховнаго мужемудренно изрыгнул еси/ и в Гору Афонскую от суеты мира удалился еси,/ идеже в трудах и молитвах со слезами/ благодать Святаго Духа

обильно стяжав,/ еуже сердца наша воспламени/ и с тобою умильно взывати укрепи:/
Господи мой, Жизне моя и Радосте Святая,// спаси мир и нас от всяких лютых.

Кондак преподобного Силуана Афонского, глас 2

Смиренномудрия исповедниче предивный/ и человеколюбия Духом Святым
согреваемая доброто,/ Богу возлюбленне Силуане,/ о подвиге твоём Церковь Российская
радуется,/ иноцы же Горы Афонския и вси христианстии людие,/ веселящеся, сыновнею
любвию к Богу устремляются./ Егоже моли о нас, равноангельне боговедче,// во еже
спастися нам, в горении любви тебе подражающим.